

Владимир Короткевич

Роман

**КОЛОСЬЯ
ПОД СЕРПОМ
ТВОИМ**

Минск
«Беларусь»
2019

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Бел)-44
К68

Перевод с белорусского
Петра Жолнеровича

Короткевич, В. С.
К68 **Колосья под серпом твоим : роман / Владимир Короткевич ; пер. с белорус. Петра Жолнеровича. — Минск: Беларусь, 2019. — 735 с.**
ISBN 978-985-01-1321-4.

Известный роман Владимира Короткевича «Колосья под серпом твоим» посвящен событиям накануне восстания 1863—1864 годов под предводительством Кастуся Калиновского. В романе создана широкая панорама жизни народа в переломный для Беларуси период. Перед глазами читателя предстают образы героев, беззаветно преданных родному краю и готовых отдать свои жизни за его независимость, счастье и процветание.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.3-31
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-985-01-1321-4

© Синькевич Е. И., 2019
© Жолнерович П. П., перевод, 2019
© Оформление. РУП «Издательство
«Беларусь», 2019

...в руки голодных бедняков отдашь ты врагов всех стран, в руки склоненных к праху — чтобы унижить могущественных людей разных народов.

Кумранский. «Свиток войны»

Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее.

Евангелие от Луки 9:24

Матери моей посвящаю

Книга первая

ИСХОД КРИНИЦ

Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: «будет ведро, потому что небо красно»; и поутру: «сегодня ненастье, потому что небо багрово». Лицемеры! различать лицо неба вы умеете, а знамений времен не можете?

Евангелие от Матфея 16:2—3

Я счастлив полнотою зрелой силы.
И вдохновенье кажется прочней.
И колыбель моя неблизко, и могила,
И слабость дней весны, и «мудрость» зимних дней.
Дни, как века, не зрят ориентиров,
И силой тело полнится мое.
При новом древе положил секиру,
Чтоб на рассвете в руки взять ее.
Пусть бесконечен путь и бой до боли:
Все совершив и дней замедлив бег,
Спокойно лягу я затем, как поле,
Под чистый и холодный зимний снег.

I

Груша цвела последний год.

Все ветви ее, все большие рассохи, до последнего прутика, были усыпаны бурным бело-розовым цветом. Она кипела, томилась и роскошествовала в пчелином звоне, тянула к солнцу солидные лапы и распростирала в его сиянии маленькие, нежные пальцы новых ростков. И была она такая могущественная и свежая, так неистово спорили в ее розовом рое пчелы, что казалось, не будет ей извода и не будет конца.

И, однако, наступала ее последняя година.

Днепр подбирался к ней исподволь, понемногу, как разбойник. В вечном своем стремлении сокрушить правый берег, он подступал в половодье совсем близко к нему, разрушал откосы, сносил, чтобы посадить в другом месте, лозу, насильственно вырывал куски берега либо осторожно подмывал его, чтобы вдруг обрушить в воду целые глыбы земли. Потом отступал, до следующей весны, и трава милосердно спешила залечить раны, нанесенные Днепром. А он возвращался снова: где разрушал, где подмывал и со временем окружил грушу почти со всех сторон.

Этот последний год груша стояла лишь силой своих корней, укрепив ими для себя полукруглый форпост.

В собственных руках держала жизнь.

Половодье спадало. Следующее должно было бросить дерево гонкой головою в волны. Груше следовало бы подготовиться к этому, к неминуемой смерти.

Но она не знала этого. Она буйно цвела.

И лепестки падали на быстроту реки.

.....

За грушей заканчивался надел Когутов. Лет сорок тому назад стояла еще за деревом черная баня. Но в одну из ночей, совсем внезапно, Днепр схватил ее — даже бревна не успели выловить. Так, наверно, и сплыли бревна из Озерища даже в самый Суходол, где полуголодные мещане и щепки не пропускали.

Новую баню старый Данила Когут вывел саженях в ста от берега, куда выше собственной хаты. Невестки жаловались: пока натаскаешь воды — руки отнимаются. Данила слушал их и бурчал в ласково-едкие, золотистые еще тогда усы:

— Лишь бы мой вацок¹ с деньгами не отняли. Рук — не покупать...

И гнал сынов, чтобы помогли бабам принести ушата два-три.

Новая баня со временем стала слишком роскошной для семьи Когутов. Сыны по глупому новому обычаю отделились, с отцом остался лишь старший, Михал, с женою да шестеро их детей: пять сыновей и дочка-мэзиница. Пойдут семь «мужиков» в первый черед, так места — хоть собак гоняй, и от этого пространства холодно.

И все-таки старой бани никто не жалел. Вместе с баней сплыла черная история.

Было это через несколько лет после того, как Приднепровье отпало от Короны. Данила был тогда еще подростком, единственным сыном у отца, единственным внуком у деда. Как напасть какая-то была. За три поколения холера дважды выкосила Озерище. Когутам повезло. Хоть по одному мужику осталось на завод.

Остальные умерли. Не помогло и то, что Роман, дед Данилы, считался колдуном. И он ничего не мог поделаться, наверно, потому, что дело было новое. Даже глубокие старики не слышали от дедов о холере.

Кто не сбежал в лес — тем было худо. А Роману с сыном, Маркой, не позволил сбежать помещик. Дал ружье и повелел остаться в пустой деревне, чтобы не разграбили крестьянских пожитков лихие люди. Ружья, пожалуй, и не стоило давать. От холеры ружьем не отобьешься, а лихие люди боялись Романа с его славой хуже ружья.

Наверно, Роман не был бы Романом, если бы не нашел средство. Он и отпоил сына резким березовым квасом. Не отдал смерти. Но остальных не успел.

Холера ушла. Забыли и о ней. А в хате Когута так и жили старик, взрослый да малыш.

И вот тут и случилось. В одну из темных ноябрьских ночей Марко убил отца в бане. Заколот старика вилами.

Аким Загорский, старый озерищенский господин, прослышав, за голову схватился. Чего уж тогда ждать от человека, если он на убийство отца идет? Что ж это происходит? Или библейские времена возвращаются, или последние наступают? А так как он двадцать лет неизменно ходил в почетных судьях, и до раздела и потом, в губернском земском суде, то вознамерился упечь преступника, откуда и ворон костей не приносил, даром что сейчас просторы были немереные и даже Сибирь своею была. Схватили Марку — ладно! В цепях он — ладно! Скорее его, изверга, в Судходол, на судебную сессию.

А потом взялся Аким за разум. Был он господином милосердным и добрым. Наверно, потому, что очень богат, а значит, не было у него нужды выжимать из мужиков последнее. Трем тысячам мужиков легче нести одного господина, нежели десятку ка-

¹ Вацок — калита. (Здесь и далее — примечания автора, отмеченные * — переводчика.)

кому-нибудь. И не то чтобы господин сейчас оправдывал убийцу. Он задумался: как могло случиться, какая выгода была пойти на такое любимому, от смерти отцом спасенному, сыну, единственному наследнику? И, главное, удивляло Загорского то, что никто из односельчан и словом, и кивком даже не осудил Марку. Будто так и надо было.

Аким Загорский знал силу обстоятельств. И знал: до самой глубины человеческой души и того, что заставило ее сделать то или другое, не докопается никогда ни один суд. Не на то люди суды выдумали. Суд — это расправа. И хозяева каждого суда хотят только, чтобы расправа была скорой и не очень дорогой.

И потому он однажды ночью явился в застенки упраздненного за ненадобностью замка. Замок был двухэтажным, с подземельями. В башнях новая власть разместила провиантские склады, а подземелья так и остались тюрьмой.

Думал Аким Загорский, что увидит слизня, раздавленного тяжестью собственной вины, а увидел человека, который даже не прячет глаз.

— Может, не твоя вина? — смутился Загорский. — Может, кто-то другой?..

— Моя вина, — сказал Марко. — Моя рука совершила, мне и отвечать.

— Так что же ты тогда святым прикидываешься? — вскипел пан. — У собаки глаза занял?!

— Вы не кричите на меня, — совсем не по-мужицки, с достоинством, сказал закованный. — Надо мною земного суда нет. Меня преисподняя ожидает. Я душу свою навек погубил, и мне уже из огня никогда не выйти... Так что меня ваши щипцы разве поглядят только...

— Так ты что, гордишься этим? С дьяволом рядом став?

— Я с дьяволом стал ради другого... Не вам в этом разбираться. Разве что Матерь Божья меня сердцем когда-нибудь поймет. Но и она не поможет... а я все равно гордиться и радоваться буду. И здесь, и в огне.

Загорский так ничего и не добился, ушел. И начал расспрашивать у других, преимущественно у своих же озерищенских крестьян. Долго ничего не мог узнать, пока одна старуха не рассказала. У Акима волосы стали дыбом.

Недаром покойника Романа считали колдуном. Сам Аким Загорский такой глупости, конечно, не верил, но они, они ведь все верили. Да и как было не верить, если Роман лечил травами почесуху¹ и скулы, вправлял вывихи, выводил темянник, брал на руки детей с испугом и смотрел им в глаза — и детям сразу становилось легче.

А такие дела без нечистой силы, конечно, не делаются. И каждому, даже самому умному ворожею, даже тому, кто не употреблял своей силы на злое, приходится после смерти расплачиваться.

¹ Почесуха — короста.

него старый знакомый. Радость шевельнулась в сердце капитана, но он сдержался. Он только позвал Буланцова, подручного, с которым когда-то вместе ловил Войну.

— Вот, Буланцов, — показал жандарм, — рекомендую, князь Александр Загорский. Каким образом здесь? — спросил Мусатов.

Алесь пожал плечами.

— А может, кому-нибудь помогу.

— Кому «кому-нибудь»? Мятежникам либо нам?

— Не кричите, — сказал Алесь. — Хорошие манеры не повредят и людям вашей профессии... Видите, вот солдаты...

— Они не добились их?

— Я не дал... А там мужики.

Буланцов двинулся туда.

— Этих я заберу.

— Не советую, — предупредил Алесь. — Это горипятничские.

— Так что? — поводя длинноватым носом, спросил сыщик.

— А то, господин лазутчик. Даже господин Мусатов слышал, что их силой, под угрозой поджога выгнали из хат. Солдаты ведь стреляли в кого хочешь, только бы не в лесных братьев.

Он почти весело улыбался, и Мусатов ненавидел его в этот момент. Ненавидел за жесты, слова, одежду, за эти глаза, за сноровку в разговоре. Он не мог не ощущать, что рядом с ним он, Мусатов, всегда будет выглядеть как пьяный капрал.

— «Лесные» ушли еще утром. На рассвете, — сообщил Алесь. — А это невинные люди: солдаты подтвердят. Как и то, что я не волевал.

— Видели бандитов? — спросил Буланцов.

— Как вас.

— И разговаривали с ними?

— Как с вами.

— Что они говорили? — спросил Мусатов.

— Что идут в пущу и что счастье мое — лекарское. Иначе убили бы.

— Сколько у них жертв?

— Трое убитых, с десятков раненых. — Алесь нарочно причислил к лесным людям мужиков из деревень Ходанского.

— Сколько их было? — спросил Буланцов.

— Это что, допрос?

— А вы что же думали, уважаемый Александр Георгиевич, — почти ласково пояснил Мусатов.

— В таком случае я не буду отвечать.

— Будете, будете, — вежливо настаивал жандарм.

И он пожал плечами.

— Они, видимо, действительно ушли в пущу еще на рассвете. Ничего. Идите возьмите из хат мужиков — кто попадет в руки.

— Не ходите, Буланцов, — попросил Алесь. — Не отдавайте таких приказов, капитан.

— Это почему же? — спросил Мусатов.

— Здесь есть свидетель.

— А этот свидетель скомпрометирован, — заявил Мусатов.

— Напрасно. Есть мой управляющий, который мне привез весть о бунте. Он засвидетельствует: до того я ничего не знал. Есть мужики, которые скажут: меня не было во время бунта. Есть солдаты, которых я лечил, ведь это обязанность каждого, кто знает, как сделать перевязку.

— Не было его в бунте, паночек, — застонал белокурый солдатик у печки.

— Молчи! — прикрикнул Мусатов и, обратившись к Алесю, пристально глядя ему в глаза и чеканя слова, начал говорить: — Явились вы — и у мятежной толпы изменилось настроение. Черт знает за кого они вас посчитали... но я знаю эту байку о белом ребенке...

— С тем же успехом они могли бы посчитать ворону за архангела Гавриила, летающего с небес, — иронически улыбнулся Алесь.

— Чего вас понесло сюда?

— Я ведь говорил: лечить. Я не хотел крови. И вы не тронете невинных, Мусатов, лишь потому, что этого требует ваша карьера. Я, наконец, прискакал потому, что должен быть беспристрастный свидетель, которому поверят больше, чем хлопку, и больше, чем вам. Я — свидетель.

Мусатов оглянулся и перешел на французский язык.

— А вы... подумали... что этот свидетель мог быть убит... во время бунта... Случайным залпом.

— Ваше произношение оставляет желать лучшего, — отметил Алесь. — А солдаты, капитан?

Мусатов дрожал. Настушило, казалось, время. Теперь и этого можно было пугнуть арестом или смертью. Он чувствовал, что все в нем звенит.

— Никто не знает мотивов вашего приезда сюда, — на том же плохом французском сказал он. — Вы вмешались в бунт, вы своим появлением настроили этих людей на атаку. Вы убиты при попытке к бегству. И я сейчас же пошлю донесение об этом вице-губернатору, так как Беклемишев болен... Пошлю тому самому вашему Ис-ленье-ву, который кричал на меня за дело в Пивооцах.

Рысьи глаза сузились, губы трепетали.

— Напрасно будете стараться, — заявил Алесь. — Донесение уже отослано. Я отправил его перед отъездом сюда и объяснил, почему еду. Полагаю, скоро будет ответ.

Мусатов невольно хватанул ртом воздух.

— Вот так, — невинно смотрел на него Алесь. — Каждый человек, каждый дворянин должен всеми силами стараться остановить мятеж. И я объяснил это вице-губернатору на случай... гм... на всякий случай.

Буланцов ничего не понимал из разговора, но сыщицкой догадливостью сообразил одно: шеф получил страшный удар. И еще отметил себе: шеф теперь никогда не простит этого человека.

Алесь встал.

— Ну вот, — сказал он. — А теперь...

— Конечно, — смягчился Мусатов. — Я надеюсь, вы поняли, что это была шутка?..

— Я и не сомневался в этом. Разве такие вещи говорятся не в шутку между цивилизованными людьми? Конечно, шутка.

Капитан стоял бледный.

Глаза Алесья смеялись.

— Хватит, капитан. Я надеюсь, вы отмените этот приказ и постараетесь найти настоящих преступников? Ведь если каждый залп — это ступенька вашей карьеры, я положу этому конец.

И впервые за весь разговор возвысил голос:

— И если вы тронете еще одного из них — вас повезут отсюда под рогожей в Могилев или под войлоком в острог. Поняли вы это, господин штуцер, господин пуля, господин свинец?!

Мусатов сидел, глядя на доски стола.

— Ладно, — заявил он наконец. — Я отменяю приказ, Буланцов... Погоню за Корчаком.

Через три часа прибыл от Исленьева едва живой гонец. Он привез приказ: «Срочно отпустить невиновных, искать Корчака с бандой, на время рассмотрения дела князя Загорского — под домашний арест».

Алесь улыбнулся: Исленьев думал, чтобы ему, Загорскому, не сделали под горячую руку вреда. Старик заботился о нем. Вот так старик! И это ничего, что приказ вице-губернатора словно возвысил немного в собственных глазах жандармского капитана, врага, от которого со временем нельзя будет ждать пощады, если его только не убьют Корчак или Черный Война.

Пускай себе возвышается, пускай думает, что если домашний арест, то последнее слово остается за ним. Алесь знает, для чего так сделал Исленьев, и, стало быть, он достиг цели, не дал пролиться крови и спас невинных.

Лекарь Ярославского полка Зайцев подошел даже поблагодарить его за перевязки, сказал, что сделано это достаточно хорошо. Алесь покосился на капитана, сказал, что ему приятна похвала образованного и искушенного человека, и пригласил Зайцева бывать у себя.

Старик покраснел. Покраснел и Мусатов, только по другой причине. И не выдержал. Сопровождая Алесья к саням под любопытными и доброжелательными взглядами солдат, начал с приторным сочувствием укорять его:

— Здесь черт знает что делается. Попечение необходимо, а то все вокруг несатытыми глазами смотрят. Иудеев одних на страну сколько — и все они немецкие шпионы. Недаром ведь их больше всего сидит от Варшавы до Риги, до Минска, а еще от Кенигсберга да той же Риги и Петербурга: на коммуникационных путях вражеских армий. А тут еще свои нигилисты, поповское да мужицкое семя. Народ науськивают! Эх, господин Загорский, такое поло-

жение, а вы в эти глупости по молодости лет лезете. — И ласково заглядывал ему в глаза. — Вам что приходится? Вы в первых российских помещиках по богатству, — гудел жандарм. — Разве у вас не свобода? Да вам в сто раз лучшая свобода, нежели в их холуйских фаланстерах¹.

«Ничего у меня нет, — думал Алесь. — Ничего из того, что мне надо. А надо мне все. И прежде всего свобода всем народам и моей родине. Что ты знаешь об этом, грязная свинья? И рассуждения твои только и можно назвать, что *le délire du despotisme*², как сказал бы старик Исленьев. И сам ты быдло, лакей душою».

Он сел в сани и закрыл глаза, чтобы не смотреть на караульного солдата. Со вздохом и облегчением закрыл глаза и вытянул ноги. Два солдата поскакали за ним, чтобы провести за село.

За саями бежал на длинном поводке Урга. Он не привык к такому — фырчал и мотал головою.

Сквозь радужные сжатые веки Алесь видел мертвое в ожидании расправы село. В ожидании расправы, которой не будет.

Растаявший мартовский снег, вороны, прижатая ожиданием деревня, резкие голоса солдат.

На мгновение ему стало больно. Он вспомнил слова Корчака и подумал, что за презрение предков к народу, за презрение образованных к народу — не пришлось бы платить детям, любящим этот народ. Но тут же подумал, что постарается, чтобы Корчак, если сведет их судьба, изменил о нем мнение. Он видел в этом мужике великую чистоту ненависти. Как нужны им люди, умеющие ненавидеть! Хороший мужик! И как жаль, что нельзя всего раздать, чтобы поверили тебе. Деньги нужны делу. Ничего, с Корчаком они еще встретятся. Он, Алесь, сделает все, чтобы тот был товарищем ему. У них одно дело.

Ничего. Ничего. Все еще будет хорошо, чисто, смело. И люди на земле будут людьми.

Садилось пурпурное солнце, и тени на снегу стали изумрудно-зелеными, чище морского зеленого луча, увидев который, поговаривают, нельзя ошибиться ни в любви к женщине и родине, ни в ненависти.

И он теперь твердо знал, что он любит и что ненавидит, и откуда у него такая боль, и почему он никак не может успокоить себя.

— Ничего, ничего, — успокаивал он себя. — Ничего.

...Он открыл глаза. Ехали по озериченскому берегу, едва ли не под самым обрывом. И он вспомнил, как давным-давно, одиннадцатая лет назад, здесь сидели под знойным солнцем маленькие дети.

Что тут было еще? Ага, груша. Вся бело-розовая, вся, до последней веточки, усыпанная цветенью, вся светоносная, вся в сытом звоне пчел.

¹ Фаланстеры — своеобразные коммуны, описанные в утопических произведениях Фурье.

² Бредом деспотизма (*фр.*).

Она стояла в тот год лишь силою собственных корней, укрепив для себя полукруглый форпост.

В собственных руках держала жизнь.

И за нею была земля, а перед нею течение, и следующий паводок должен был обрушить грушу головою в волны, и ей следовало бы подготовиться к смерти. Но она не знала этого, она цвела.

И лепестки падали на быструю реки.

Где она сейчас? Алесь смотрел под откос и наконец увидел то место. Под кручей растаял снег, и в проталине чернело что-то длинное.

Мертвый ствол занесенной песком груши.

Тоска и боль овладели сердцем, резанули по нему, как ножом.

Груша, детство, лирный звон. Груша! Спасай меня от моей тоски, спасай меня от моей любви.

Сани завернули и остановились перед крыльцом загорщинского дома. Алма, староватая уже, толстая, как туго напиханный широкий мешочек, завляяла хвостом, побежала к саням, потом увидела чужого с оружием и залаяла на него так, что, казалось, разорвется все ее тельце.

Змитер взял Ургу и пошел с ним. Уехал и солдат. Алесь медленно начал подниматься в дом.

...Он блуждал по комнатам, сам не зная, что ему надо, к чему его влечет. И наконец, не понимая как, пришел туда, где они с Майкой еще детьми смотрели сквозь цветные стеклышки.

Все было как прежде. Вот на этом диване когда-то сидела Майка, когда он отвел потом глаза на стенку и увидел ее, черную с лиловыми волосами.

А вот и шкатулочка со стеклышками. Забыли. Если смотреть сквозь красное стекло — какое страшное, дымно-багровое пламя ревет над миром. Такое страшное, словно вот-вот взревет трубы архангелов и небо упадет на землю.

А это что?

Бог ты мой, черепок китайской вазы, которую разбили тогда. Дед еще говорил: «Бейте, так ей и надо!»

Он раздал черепки. Интересно, сохранила ли Майка? А Франс?

Сколько друзей, ровесников. Можно склеить все эти черепки, и опять будет ваза. А вазу поставить в общем, в солнечном доме, в котором живут все.

Ваза-ваза. Белая ваза с синими рыбами.

Он пошел по полутемным комнатам.

Черные ели. Мраком наполнен дом. За окнами гостинной холодная звезда горит между деревьев. Что это, начало конца или конец начала?

Хоть бы поскорее, хоть бы поскорее восстание! Пускай даже смерть! Так как невозможно больше терпеть это гнилое, душное лихолетье, ложь, рассуждения кроеров, мусатовых, корвидов, дембовецких — всей этой сволочи.

И невозможно больше сидеть в этом доме, видеть в темных окнах конусы елей и острую, как солдатский штык, направленный в твое сердце, звезду. Невозможно видеть рабов и господ, невозможно упражняться в терпении, видеть, как другие совершенствуются в лести. Невозможно видеть церковь, короны, расшитые мундиры. Невозможно видеть на каждом перепутье, над всей страной взлет пробитых гвоздями рук.

Лучше бы уж ему, Алесю Загорскому, искупить грехи всех, своей кровью добыть освобождение для всех, погибнуть за всех.

Он вдруг понял, чего ему не хватает, пока нет битвы. Пускай себе друзья и он сам пренебрегают стихами. Сегодня он не может.

Перо бежало, оставляя строки:

Чем прогневила ты Бога? И чем разозлила,
Что над тобою, еще не воспетой и сотнею строф,
Маятник времени пал и костельная тьма наступила,
Тьма и пробитых ладоней, и тысяч неправых голгоф?
Что ты совершила земле — от фиордов до Рима,
Что заливали пожары тебя под напором ветров,
Что умирали в сибирях твои молодые багримы,
Что Достоевские съехали с пашен твоих и боров?
Кто же отнял твою память, моя дорогая,
Что ты, во веки веков, забывая страданье свое,
Лучших поэтов страны ты забвением смертным караешь,
Лучших пророков камнями незнания бьешь?
Верю в одно. Когда в небе полынь вдруг засветит
И вековечное зло ощутит свой удел,
Ты на суде — под архангелов трубы — Марии ответишь.
Скажешь единое слово за всех на планете людей:
«С речью родной умерла. Я для будущих дней не восстала,
Чтоб на руинах моих искупления зернам взростать.
Матерь сынов человеческих. Я от всего исстрадалась.
Можно ведь землю простить,
Если я все же есть на земле».

Он не верил, а образы получились мифологическими.

Да и разве в этом дело, если действительно гибнет все доброе, если правду говорят болгарины, а за свободу воюют муравьевы, если действительно над землею взлет пробитых рук?

Он смотрел в окно, на звезду. И вдруг увидел...

...В небе стояли светлые столбы от горизонта до зенита. Они менялись местами, крайняя их грань была ярко-багровой, она разгоралась и напоминала пожар. А посередине вставали белые полосы и столбы.

Редкое на таком юге и потому слабое, вставало над землей северное сияние.

Как пожар. Как далекий багровый пожар.

*27 апреля 1962 г. — 18 мая 1964 г. 23.47
Рогачев, Минск, Королищевичи, Челябинск, Минск*

Колосья и серп на родной ниве

Послесловие переводчика

Роман «Колосья под серпом твоим» — знаковое произведение Владимира Короткевича, широкая панорама жизни белорусского общества середины XIX века, который характеризовался развертыванием национально-освободительных движений по всей Европе. Именно такие переломные времена в жизни общества и привлекали писателя, заставляли по месяцам работать в архивах, чтобы историческое произведение основывалось на документах, по-настоящему показывало местный колорит, заставляло читателя сопоставлять свои знания об определенной эпохе с изображенным в романе.

Основная сюжетная линия, связанная с главным героем Алесем Загорским, переплетается со многими другими, в которые органически включены исторические персонажи. Взросление Алеся, перипетии в семьях Загорских и Когутов, учеба, дружба с Кастусем Калиновским, встречи с деятелями белорусской культуры, подготовка восстания, сложные взаимоотношения с Майкой Раубич и многое другое — все описано колоритно, с использованием разнообразных приемов создания художественных образов.

Заслуга писателя видится в том, что он сумел показать три течения неудовлетворенности существующим положением вещей: народный необузданный гнев, воплощенный в бунтаре Корчаке, рассудительную позицию представителей старой генерации дворян во главе с Раубичем по подготовке заговора и кропотливую планомерную работу молодых интеллигентов с целью приближения восстания. Но все еще впереди — роман заканчивается лишь отменой крепостного права. И разрозненность названных трех течений видится одной из причин поражения восстания 1863—1864 годов.

Интерес Владимира Короткевича к событиям середины XIX века был продиктован и тем обстоятельством, что один из его предков по материнской линии участвовал в восстании и был расстрелян в Рогачеве. Роман по многим причинам не был закончен, так как планировалось все-таки показать события восстания. Однако, по-видимому, писатель так сроднился со своими героями, что, следуя исторической правде, не мог повести их на виселицы, отправить в ссылку или в вынужденную эмиграцию.

Изданный на белорусском языке в 1968 году, роман к настоящему времени стал хрестоматийным произведением, любимым несколькими поколениями благодарных читателей. Перевод романа сделан по новому Собранию сочинений Владимира Короткевича. В текст возвращены исключенные в прижизненных изданиях фрагменты, так что произведение в чем-то воспринимается по-новому. В любом случае чтение этого романа — отнюдь не легкая прогулка по страницам ради досуга, а сложная интеллектуальная работа и соразмышление с автором. Думается, во многих случаях он, благодаря своему таланту, делает читателя своим единомышленником.

Петр Жолнерович

Литературно-художественное издание

Короткевич Владимир Семенович

КОЛОСЬЯ ПОД СЕРПОМ ТВОИМ

Роман

Редактор *Ю. А. Оверченко*

Художественный редактор *Н. Г. Огородная*

Технический редактор *Ж. М. Боровская*

Корректоры *Н. Г. Баранова,*

Л. К. Семенова, Ю. Н. Уланова

12+

Подписано в печать 24.07.2019. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 46,0. Уч.-изд. л. 43,3. Тираж 1500 экз. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/4 от 09.07.2013.

Пр. Победителей, 11, 220004, Минск, Республика Беларусь.

[http: // belarusbook.by](http://belarusbook.by)

Открытое акционерное общество «Типография «Победа».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/38 от 29.01.2014.

Ул. Тавлая, 11, 222310, Молодечно, Республика Беларусь.